

Д м и т р и й
З А М Я Т И Н

ИНСПЕКТОР
ЗЕМНЫХ
ОБРАЗОВ

ЭКСПЕДИЦИИ
И СНОВИДЕНИЯ

Дмитрий Замятин

**Инспектор земных образов.
Экспедиции и сновидения**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Замятин Д. Н.

Инспектор земных образов. Экспедиции и сновидения /
Д. Н. Замятин — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-10-7

В новой книге Дмитрия Замятина собраны эссе, посвященные пространствам памяти и воображения. Реальные ландшафты, воспоминания и путешествия, книги и картины, сновидения и экспедиции трансформированы в множественные «разбегающиеся» галактики, картографические атласы новых Terra incognita. Книга предназначена для всех любителей геопоэтики и мета-географии, эссе и интеллектуальной прозы, поэзии пространства.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-10-7

© Замятин Д. Н., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

I		6
	Эссе о пространстве	7
	I	7
	II	7
	III	8
	Речное тело путешествия	9
	Метагеография железной дороги	18
	НАБРОСКИ К ТЕОРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ	22
	Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Николаевич Замятин
Инспектор земных образов: экспедиции
и сновидения. Тексты и эссе

©Д. Н. Замятин, 2018

©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

I

К ЛАНДШАФТУ (ИНВЕКТИВА)

Силуэты деревьев обнажили каркас мира. Казалось, можно двигаться только в одном направлении, растекаясь далее по всем. Фонари затеняли смысл пространства, упираясь в темноту. Вернуться можно было, оставив позади линию, перспективу, цвет. Снежинки времени означили ландшафты – ландшафты, где нет места рельефу, отекающему в припадке.

Эссе о пространстве Трактат о понимании

I

Пространство – ничто, которое чтойствует странствиями. Пространство – неместо места. Пространство – невидимое мешанство неба. И с этим ничего не поделаешь.

На доске смыслов порхают черные значки распятых червячков отчаяния. Но пространство – блаженство движения, по-женски уклончивого, незаметного, несовершенного в своём завершении. Оно наивно окоёмом самого себя.

Распахнутость постоянных зачёркиваний, очерчивание непонятных, непонятых подробностей, затушёванность бывшей чёткости пейзажа, жалостных урочищ телесных танцев, ходьбы бытия хотя бы. На лодке краснеющих печатей барочного заката, захода пламенеющих отчёркиваний, неожиданных отточий пространство землисто, землянично-пахуче почивает – теплеющее, тёплое, сочащееся подсосновым песчаником.

Как бы то ни было, стоит украсть цукаты панорамного воздуха, ахиною разбрызганных горизонтов. Хиной мхов, муравейников уходишь от оторопи – приподнятой, лихорадочной – сущего, в займища шелеста, бересты лести. Пространство – дисграфия пляшущего дождевого шума.

Зноем плывёшь – новый Ной, спасая отблеск почти утонувшей мысли, свежести балансирующим образом жестикулируя, спасаясь, укрываясь. Дай знать: есть ли знать равнин или плато, вне жары жестяной, шерстяной и рыжей? Всякое место есть своё собственное отсутствие, напутствие, простираие в белизну и тризну.

II

Нескромная улыбчивость грота горного, укромного и кротового. В корнях бытия – убытие. Расплавление лепета лун латунных – омельой, мелом, леммой. Стихай, снежность хайку, укрой стих ножевой, может быть – неживой.

Запиской ткёшь полотно пространных полостей, лопастей, несслыханных лопарей старости. Расти, растаможивайся, проникай, тиражируйся – чернота чар енотовых – и не парься одичалым проуном. Лесенькой, гармошкой, щёткой, песнопеньями требуй пени затверженным писком позёмки.

Отстань становищем и кострищем щемящей игрушки одиночества, очковтирательства чеканных часов отрочества. Фигуркой, оловянным солдатиком стреножь фары настающих, нетающих пейзажей. Отуманен, купой упоён купчина вечера в ветчине закатной (вчерне). Опоздав – чей-то твой – зданевичем озадачен и задан.

Ярусами ярости, уступов парусами – отстой патрубков, ублюдков, верб и людей. Урус, блюди русло – либо алей, сурьямный, отшитый. Не костяное ли небо над нами? Домик якутией укутан, запахтан впопыхах. Упущен, ты стронут стропилами унт, пилами лиловеющих лип, обносками гроз змеящихся. Сатаней – или притихни – хваткий автаркией сырых рысей аллей.

Пообостыв, басурманом брежу, журия ржи урманы и балаганы. Улагай расчертил багеты пыльных лаптей подержанных. Караулом – ритуал галилеев, стеклянной пробиркой. Автобиография графина, воды, чайника – вот о чём невозможно повздорить, хотя бы и в саже жимолости. Жалей больше об олове холмистых, матерчатых туловищ, ловающих подвздошно dreams and projects. Виждь.

Всяческий вождь – жид, ждущий видения, оторопи, радения. Оторочкой собственного конца он утирает слёзы зыкающих сторонников, жующих сопли таинственных призывов. Ропот инея неслышен им, как и топорная заря оконных рам. Растерзанный, астматичный, занюханый – ухнет пересменкой заспанных вахтёров графизм носорожьего броневика. Барством потянет и валерьянкой сумерек отечества, блажных, отёчных.

III

Низменное небо овражной сети пространства требует братства равнин, городов, селитеб. Блюдя росчерки окружных дорог, не меняй абриса земных образов. Осторожность творожных речных рассветов живёт отдалёнными портами морской ворожбы, рождающей пышность пен и измен. Вот классицизм утлых яликов, уходящих угловато в нечто такое тревожное перспектив, статуй, ватных спектаклей.

Оброненная обнажённость линий ниже, лижет боры невидимых тел огня, гнетущих пауз промежности – узилицем робеющей тени. Оставленный, отставленный инеем немеющих поз, ты не владеешь мимо текущим ландшафтом угроз, грёз, шарад. Уклон лона, клей телесных путей опутывает, утешает, шалит. День кланяется, клянётся брещущим полётом окрика, огибая гибель близких ладоней. Брага укрытого света – горит, грат, играет – бумагой смеющихся рытвин и клякс.

Трансильвания смыслов – базар лесных опушек, пушащихся ёлочками пограничных окраин ветров и вер. Транспозиция поля, просёлка, заимки, погоста образуется узорами дышащих, колышащихся прозоров, озираний, режущих глаз слезой ветреных светлеющих окоёмов. Ветвящийся раззор ручейных бликов калымит хладом влажнеющего нёба. В каре собраны разнопле-менные травы, бурьян, валежник, винтаж поместной памяти. Как пружина, выпрямлен уже незаметный уж становища детских штабов, давних локусов палевых отголосков воздушных знаков, неизвестных более законов былого пространства вездесущности, вездedomности, вездестранности.

Речное тело путешествия

(Дневник путешествия по Оке)

гостя призраком в середине дерева костями спущенных стягов бремя вещей окутав и спрятав копий поток пьёт аватару утра на йоту лимба и ямба выев солона берега вату забыв сок закона и рексов урок в мягком затонул вокализме river

Мета-Ока —

как была течением бытия себя-в-себе сетью сотами пространства есть

Речная артерия смысла. Ты движешься рекой собственного тела, увлекаемый образом внутреннего путешествия.

Ты не знаешь берега сознания, и лишь отмели реки означают течение пространства по самому себе, просто в себе.

Мета-Ока начинает возвышаться террасами умолчаний, фрагментов осыпающегося обыденного зрения.

Нижний Новгород ушёл плотной массой «назад», растворился в надвигающейся на тебя, «разматывающейся» ленте Оки.

Ровное гудение корабельного двигателя движется уверенным речным звуком, а ты сам вибрируешь всем своим «речным» телом, удлиняешься мерным рокотом распластанного, плоского пути.

Поручни и перила, спасательный круг с именной надписью корабля – всё глядит в пока ещё неведомую даль. Тут нет человека, но есть общее желание безудержного, «автоматического» путешествия. Без дела, упорно напряжён прожектор, берег для него загадочен. Капитанская рубка тоже кажется безлюдной, однако истоки воли к прохождению и слиянию с рекой здесь. Подвешенные по бортам, накрытые тканью шлюпки кажутся хищными рыбами или речными акулами, выловленными наудачу и сопровождающими теперь насильно, паря в воздухе, судно. Торчащие на верхней палубе трубы и патрубки отливают на слабеньком полускрытом маревом солнце однообразной спокойной белизной. Кто-то из туристов сидит в шезлонге на корме, но его контуры как бы сглаживаются всей технической уверенностью незаметно движущихся очертаний корабля. Вообще, корабль «ест» речное пространство исподволь, «исподтишка», въедаясь в него всей мерной расторопностью неспешного дрожания корпуса.

Архитектура верхней палубы с многочисленными лесенками, натянутыми почти нарочито металлическими тросами и цепями, разновысотными помостами и мостками мнится порой самодостаточной, обращённой без всяких промежуточных препятствий прямо к небу. Несколько чужеродным предметом видится белая душевая кабинка по левому борту, но она всё же – изящное излишество, утверждающее и подтверждающее сакральное са-мостояние, самодвижение корабля. Он путешествует по речной горизонтали и по полуводной-полунебесной вертикали одновременно, сопостранственно.

В воронке утягивающей тебя на дно ландшафта силы, данной реке медленной, медлительной, тягучей.

Освоение корабля несётся стремглав – все углы, детали, технические мини-геометрии созданий и первозданностей вбираются в тебя неуклюжими, но тёплыми телесными поверхностями.

Обилие окрашенных белым поверхностей. Киль шлюпки – белый, балки, на которых она подвешена, также – белые. Туго скрученные металлические тросы лишь подчёркивают стремление к слиянию равнодушного однообразного цвета с иррадирующей серой неразличимостью речной глади.

Вяло плещущий, всё больше опадающий флаг на корме провожает одинокую, постепенно исчезающую кильватерную струю. Оба речных берега, как бы сужаясь сзади, образуют кругля-

щийся горизонт. Этому способствуют частые меандры, запутывая и без того сложную картину уходящего сферического пространства. Ландшафт, да и всё здешнее водоземье «закутаны» в грезящуюся дымку постоянно воспроизводимой отдаленности.

Стоя на верхней палубе, можно накренить взгляд, как бы скользя вниз, среди паутины поручней и мелких патрубков. Ближайший берег чутко отзывается, также накреняясь вслед, хотя и немного меньше – река из равнинной вдруг становится горной, но течение её по-прежнему меланхолично, лениво.

Решётчатый зев одной из труб, высовывающейся из недр корабля на верхнюю палубу. Вокруг гуляющие, фланирующие речные вуайеры, не замечающие внутрикорабельной тайной жизни.

Подвешенная шлюпка с маленьким прожектором на носу летит над рекой, не касаясь воды. Она – небольшой пленный самолётник, который – чуть что – оторвётся от отеческого судового тела и найдёт свой путь. Славный мотор на её корме, «Вихрь-30Р», держится обещанием небольшой, но шустрой речной автономии.

Повсеместные корабельные лестницы делают речное пространство многоэтажным. Воображая реку с разной высоты, одолевая ступеньки то вниз, то вверх, рискуя то и дело сверзиться, успеваешь зацепить взглядом случайный кадр мелких судовых событий или же безразмерных облачных трансформаций.

Кранные судоремонтные крабы на берегу Оки, застывшие в каком-то доисторическом рэпе – не символы ландшафта, но вертикаль сакрализующейся по-своему вполне «домашней» реки.

Ты впитываешь речную панораму целиком, без остатка, глотая и безликие жилые коробки, и зелёную шевелюру прибрежного кустарника, и замусоренные песчаные пляжики. Всё это – твоё речное достояние, пейзажная «пища», принадлежность метагео-графического «быта».

Нутром чувствуешь вдруг крымцев, текущих, аки волки, к редким окским бродам – пограничным телом реки – вздрагивающим, почти агонизирующим, пружинящим – и отбрасывающим татарву вспять.

Белеющая былинная церковка, затерянная в пышной береговой шапке растительности – растерянно проплывающая, исчезающая, запоминающаяся очерком выходящей из себя, «карабкающейся» в небо Оки.

Песчаные речные берега обнажают суть ландшафта без правил, без ограничений, стремящегося пронизать собой тело пространства.

Мальчик, притулившийся возле какой-то судовой переборки. Он делает зарисовку берегового ландшафта и полунедоверчи-во, прищурившись, посматривает на тебя. Он сосредотачивается, пытаясь найти свою карандашно-речную линию, поймать первоначальный очерк своего путешественного наблюдения.

Матрос, постоянно ходящий туда-сюда за окном каюты, на фоне подчёркнутой бортом береговой линии. Два разных пространства, одно-в-другом, живущих благодаря возможности «перпендикулярных», а может, трансверсальных путешествий.

Река-путешествие, волной забирающая тебя в недра пейзажной неврастии, обеспокоенности, но и суетливого счастья вращающегося образа себя.

А впереди, на окском мысу – металлическая шуховская башня, предваряющая вверх по течению город Дзержинск. Молодой соснячок на песчаном откосе, немногочисленные рыбаки, железобетонный мол, сдерживающий размывание берега. Все шуховские башни красивы по-своему. Эта – береговая – кажется лёгким ажурным маяком, и в то же время слишком большим и громоздким для не очень широкой реки. Она высится нездешним инопланетным гигантом над пригородным бором.

Промышленный город Дзержинск, стоящий на берегу реки, как видение несуществующих местных космологий. Эта неуловимая поверхность-без-образа, расколовшая зеркало земных тел.

Обнажённые горизонты обрывистых берегов сознания катящегося водного покоя.

«Инструкция по спуску шлюпки

1. Расчехлить шлюпку, убрать каркас.
2. Завернуть сливные пробки.
3. Отдать штормтросы.
4. Отдать крюки крепления шлюпбалок.
5. Осуществить посадку в шлюпку гребцам.
6. Отдать тормоз лебёдки, спустить шлюпку на воду.
7. Отдать крепление тросов, отдать лить на главную палубу.

1 штурман Громов С. А.»

С трудом прочитал приклеенную рядом с шлюпкой инструкцию. Не всё сразу было видно, на бумагу сверху был прикреплен полиэтилен, но кое-где вовнутрь просочилась вода, и пузырьки мешали разобрать отдельные буквы. Кроме того, штурман Громов так и не подписал печатную инструкцию.

Нос корабля всегда почти чист и безлюден. Он строго заострён и симметричен: прямо по центру небольшая мачта (правда, без флага), а по бокам от неё – два крупных прожектора. Внизу всё же валяется какая-то непонятная металлическая рухлядь. А сам корабль теперь устремлён в сторону виднеющегося прямо по курсу Дзержинска: грузовой порт с кранами и горами строительных материалов, трубы ТЭЦ, многоэтажные лайнеры.

Но чуть сдвинься от носа вглубь корабля. Здесь уже веселее: опять моторная лебёдка; зелёного цвета, свернувшийся спящим питоном канат и – главное – судовой колокол (так и промолчавший всё путешествие). Лебёдка старой покраски, облупившаяся и начинающая слегка ржаветь. На этом фоне колокол блистает опрятностью и щегольской вычищенностью.

А Дзержинск надвигается своей промышленно-портовой угрюмостью. Он хорошо технически размечен: порт как на картинке, большой кран центрирует взгляд, дальше от берега выстроенные в ряд цистерны и неведомого мне назначения ангар. Берег забетонирован, и прямо у воды – огромные кучи песка и щебня. Ближе к городу – свалка металлолома, в которой «бродят», медлительно косолапя, краны-динозавры, сгружая всё на выдавшую виды баржу, подпёртую белоснежным буксиром.

И вновь мальчик на верхней палубе. Он уселся верхом на каком-то патрубке, за ним – шлюпка. Выцветшая детская бейсболка теперь – капитанская фуражка. Хитрая и одновременно простодушная улыбка, наслаждение речной свободой. Но он уже бывалый речной волк, успел обогать все закоулки корабля, поиграть в прятки с остальной судовой детворой. Чудо окружающей тебя воды, а ты – «аки посуху», да и берега недалеки. Стройная громада корабля, доброго ручного слона, идущего себе вперёд и вперёд.

Сквозь полуденное марево – неожиданность ампирной роскошной церкви на возвышенном берегу. Гордая пятиглавка с тоненькими, едва ли не болезненными луковками, облезшая почти повсеместно белая штукатурка, обнажающая красный кирпич. Но она явно живёт, насыщая окский пейзаж озоном небесно-бо-жественного. Окружающая её зелень скрыто-кокетливо подаёт сие «горнее» место.

Река-нож, взрезающая мякоть текущего образа движения.

Нарастающая на тёмно-синеющем горизонте гроза, соседствующая с отвесным солнцем на палубе. Корабль не видит угрозы, по-прежнему двигаясь монотонными галсами от берега к берегу. Окская вода пытается повторить цвет темнеющего неба, на глазах «моревея».

Взгляд сверху на ту же носовую часть судна. Толстый зелёный канат, скорее даже нежно-салатного цвета, в значительной своей части намотанный на катушку, живописно-беспоря-

дочно разлётся на зелёной же палубе. Рядом с ним – запасной трёхлопастный корабельный винт, опять-таки зелёный. Покровительственная окраска корабельных предметов создаёт органику спокойного плывущего мира. Кажется, они лежали так всегда, и это просто безымянное произведение актуального искусства.

Город Павлово, являющий окскую экзотику провинциальной своеобычности и дикости вместе. Перепады высот в прибрежной части обещают порой тайные места сокровенного бытия. Переулки вечернего света простреливают занозистые доски заколоченного особняка с выбеленным дождями и снегом обветшавшим парадным.

Панорама правобережного городка Павлово на редкость цельна и проста. Все его выдающиеся немногочисленные здания выстроены «по фронту» на высоком берегу, внизу посередине – старая баржа причала. Лишь одна церковь – немного поодаль, за оврагом. Красно-белый цвет земских и купеческих домов столетней давности приятно контрастирует с «взбитыми сливками» лёгких кучевых облачков. Издалека, с реки Павлово – скромная, но притягательная окская игрушка.

Наискось синь дробит капли пространства. Киль облачный облокочен на дрожь молодого воздуха. Ока, висящая молоком речных обещаний, облекает спасательные шлюпки небес, под сенью косяще-просящих ив.

Провинциальная открытка чужого лета девятнадцатого столетия. Города, уютно сфотографированные и прожитые. Ты войдёшь в далёко забытый город, залив полузабытой же реки. Твоя коллекция набита однотипными сценками, пейзажами. Но это – шекспировский театр с движущейся равнодушно-отчаянно толщей метагеографического языка.

Медленно надвигающаяся павловская пристань, аванпост обманчивой речной оседлости. Причальная стенка близится старыми автомобильными шинами, полусломанными гнилыми досками, полускрывающими-полуоткрывающими стареющее бетонное нутро. Это целая карта – с ржавой проволокой, пятнами свежей краски, крошащейся древесиной, контурами земноводного пограничного упадка.

Заброшенный, захламлённый двор павловского краеведческого музея, лучшего купеческого особняка города, стоящего на окской набережной. Сквозь узорную чугунную решётку намертво закрытых парадных ворот видны прохожие, недалёкая Ока, струящийся неяркий водный свет. А по эту сторону – полутьма, полутьнь, полудень, проблески солнечного вечера, свежее-ядовитая зелень сорняков, сваленные в углу деревянные лестницы, drankа, старый жестяной подоконник с ободранной наполовину краской и ржавые отопительные батареи, к низкому оконцу притулились сорванные откуда-то чугунные оградки. Но немного выше – уже чудо: белый купеческий герб на верхе крытых кирпичных ворот, с навершием в виде ампиричного домика, по бокам же – изящные белые вазочки, невесть как сохранившиеся.

Приокская улочка горбатится плохо асфальтированным спуском. Но она спасена заречной, заливной далью.

Незаметное слияние тщательно скрываемых рек. Ты становишься тревожным притоком самого себя. Старицы забытых пространств, затерянные в ранах воздуха.

Ока – застарелый прыжок разжавшейся, разбежавшейся равнины.

Внутренняя дикость реки, не видящей влажной домашности суши. Река никак не селится, не стелется гнёздами и островами, государствами старинных итинерариев.

Дыхание dna судьбы, вблизи скользкой остойчивым земством ходьбы корабля, судноходьбы, судьбоходьбы.

Ржавая вереница темноты, сопровождающая опрокинутые контуры приречных лесов, снов и слов.

Движение берега, его течение знаменует растекание поверхности реки, её невзрачной, видимо-невидимой субстанции. Шествие пути назад, в лоно всех возможных, никогда не начинающихся путей.

Оптика речного видения заключается в бесконечных оттисках водяных теснин, водных ущелий, шевелящих немислимую гладь подсознания.

Город Муром, комариный город, комариное царство. Какая-то тёмная невнятность финно-угорского мира, прикрытая непрочным тонким лаком православной лепоты.

Мужской и женский монастыри в Муроме, тесно жмущиеся друг к другу. Насколько более ухожен, уютен и цветист женский, настолько более угловат, кондоват и на задворках замусорен – мужской.

Монахиня, стоящая уверенно на строительных лесах на уровне второго этажа и шпаклюющая изнутри монастырскую стену.

Множество табличек «хода нет», преграждающих путь по ухоженным дорожкам в глубь женского монастыря. В мужском таких нет вообще.

Муромский историк-краевед, продающий свой путеводитель по городу во дворе мужского монастыря. Хорошо развёрнутый стенд, есть и электронный диск, и отдельные видовые открытки. Он вооружён прикладной метафизикой места, и посему – бессмертен.

Ты движим взглядами береговых зевак, беспечных речных вуайеристов, ты втягиваешь в себя энергию потусторонней береговой жизни.

Муромская водонапорная башня, стянувшая в себя всю ме-тагеографию этого города. Ока дисциплинирует место как источник парящей первородной живописи – но без какой-либо архитектуры. Здание, ставшее само себе со-зданием.

Метафизический туризм рождается в столкновении мягкой усталости экскурсионной стадной побежки и скрытого желания построить египетскую пирамиду собственному путешествию.

Событие реки проистекает из пейзажной невнятности земноводных переходов, переливов, порогов.

Мерная вера в вечное струение земной энтропии.

Ивняк по песчаным косам, перемежаемый глиной и мергелем. Монотонная, вытянутая по горизонтали, стратиграфия блёклой сакральной вертикали реки.

Корабль спокойно идёт как бы внутри реки, в её матернем теле, а река – стоит, пребывает в нём – пребывает корабельным путём.

Хорошо подойти к шлюпбалкам снизу, гуляя на нижней палубе. Тогда смелый абрис шлюпки, плывущей в облачном небе, вкупе с видимой искоса лишь одной «клювастой» шлюпбалкой, кажется тугим, пузатым воздушным шаром, схваченным внезапно длинношеим хищником.

Иногда нижняя палуба безлюдна, что бывает редко. Пустые стулья и столики пугливо прижались к зашторенным каютам, и незамеченные берега с тихим любопытством и недоумением движутся мимо, шествуя отдельно от сонного судового пути.

Сошествие с корабля на речной берег у очередного дебаркадера мучительно в силу накопленной органики водного движения, не требующего резких телесных манифестаций. Тело привыкает быть местом сосредоточенного в своей расправленности – расслабленности пространства.

Белые и красные речные бакены, чередующие собой эстетику укачивающей пограничной неподвижности, погружённой в плавающее бессознательное водной толщи. Они задают геометрию речной поверхности, символизирующей пространство-без-значений. Вода – знак всякой незначимости.

Нештормовое предупреждение полуспящей реки, засасывающей серым сумеречным движением внутрь бытия.

Шлифуя течение собственной мысли, становишься рекой путевого тела.

Мелкий зелёный жучок, залетевший на теплоход, в недоумении упорно ползущий по палубному ограждению. Он – двойной путешественник.

Мережи речных отражений через сито путевых очей.

Ока тешит меня неспешностью и округлостью пространственных преобразений. Река самоуглубляющегося пространства.

Подводная нежность мостов, тонущих в жёсткости речных онтологий.

Река – сердце телесного доверия пространству.

Проплывающая мимо тебя Елатьма – уточкой, крутосклонной, вечерней.

Город Касимов – царь и хан окского мира.

Дождь над рекой – как свободная демонстрация избыточности водного бытия.

Касимовская перекрученность, изгибистость, податливая прихотливая овражность. Даже типовые «регулярные» здания екатерининской эпохи так расположились, что прозоры вокруг них на Оку и окское пойменное заречье образуют ауру провинциальной пейзажной роскоши.

Речник – это человек, «ныряющий» в речное пространство и текущий внутри него. Текущее жизнью путевой воды тело речника.

Хитрыми меандрами Оки формуешься изменчивым, спонтанным телом себя – водой, вращающей автоакваграфию как мета-тело речного путешествия.

Геокорпография реки. Телесность воды есть проявление замкнутости и округлости любой возможной глубины.

Купы прибрежных деревьев, поддерживающие незаметно контуры неба.

Река движима моросью речи.

Касимов – органичное порождение Оки, её продолжение, дополнительное течение, город-приток. Он «выброшен» на речной берег как чудесный ландшафтный тритон, обаятельная пейзажная саламандра.

Движение к истокам – «всего лишь» речная метафора бытия.

Касимовская прибрежная панорама сильна натянутой нитью полувоздушного-полуводного пространства. Это крепкий тугой «лук» классического окского ландшафта, воздухопроводный путь речного кругозора, взгляда и огляда.

Расчерчивание реки путевыми знаками текучего тела пространства. Пространство метит себя рекой, течёт рекой тела. География тела как речной путь бытия.

Ты схватываешь обнажённую супесь и лёгкую спесь окских берегов как невесомую птицу протяжённой речной страны.

Волнистая лень прибрежной дернины, возвращающая тебя в догеографический мир рельефного равновесия и безмолвия. Берег становится метагеографической речной рефлексией только после онтологического основания самой реки.

Ты течёшь, пристально наблюдаемый неподвижной рекой.

Снующие туда-сюда, справа и слева, многочисленные окские старицы, речные крылья, прибавляющие реке устойчивости, уверенности, зрелой солидности. Ока разворачивается старицами.

Пухлый, кривобокий, с отваливающейся штукатуркой псевдоантичный амбирчик торговых рядов в Касимове. Маркиз де Кюстин был неправ: «деревянная» античность глухой российской провинции есть лучшее наследие милосердного пространства беспримерной равнины.

Тина антики всё же затягивает, но и она же веселит, будоража непредвзятой кривизной русскоязычного ландшафтного ордера.

Две палаточки, обшарпанный джипик на берегу. Кто-то живёт Окой, просто *окая* и *ухая* рыбалкой, ухой, костерком.

Ты тяготеешь к линии благословенного пейзажа речных слов, словесноречных слияний, словотекущих речений.

Ока – ускользящая река-ящерица.

Берег съедается, срезается рекой, напирющей ширящимся, шебутным, ширяющим маятником гуляще-шарящего русла. Река – лишь плеоназм плещуще-грузных водяных телес.

Лапидарность речного текста коренится в случайных излучинах зазевавшегося пейзажа. Ты – зритель берегов собственного тела, текущего тёплым ландшафтом сокровенной реки образов.

Как бы внезапно появляется туристический рай на обоих берегах Оки – на полпути от Касимова к Рязани – множество машин, палаток, людей, через каждые полкилометра, а то и меньше. По-видимому, это заманчивая зона Окского заповедника.

Река-дерево, охватывающая своими водяными ветвями движение земной пустоты.

Телеса небес силятся ливануть лесом речных реек

Гений Оки – в мягкой уступчивости расширяющей себя земноводной границы.

Томление места, топлёное молоко приокского вечера.

Вчерашним погожим вечером окские берега неожиданно преобразовались в сочные пейзажные полотна «малых голландцев» – с тучными коровами, заливными лугами, пышно-орнаментальными рощицами и скульптурно-стоящими отдельными деревьями; на зеркале воды уже заранее были «нарисованы» застывшие в напряжённом внимании в своих утлых лодочках рыбаки.

Безумное молчание мира невозможно в присутствии реки – река обнимает и проникает мир речением течения пространства.

Ты движешься к устью реки, обратив его в исток своего бытия.

Гористый бережок, придвигающий смутную природу оврагов, отвершков, отрожков к внутренней области телесных эрозий.

Корабельная органика – в мелкой дрожи спрятанного почти под водой тихо рокочущего двигателя – эксцентричного речного жителя.

Каюта сосредотачивает домашность речной субстанции своей твёрдо рассчитанной, честной теснотой. В ней корабельный уют достигает звенящей полноты размеренной речной жизни.

Город Рязань неожидан останцом разномастного изящного кремля, как бы возвышающим господствующую вокруг губернскую повседневную суету.

Стрелочка окской аллеики от рязанской пристани к самому городу, прерываемая лишь гигантской строящейся автомобильной эстакадой.

Двухшатровая Духовская церковь в самом углу кремля, вне собственно монастырских стен, являет чистое место стечения всех возможных онтологических обстоятельств – у слияния Трубежа и Лыбеди.

Одинокие рыбацки, размечающие тело Оки точками неведомых миру речных прозрений.

Люди, то и дело машущие вслед проходящему кораблю. Они означивают наше путешествие как уходящие в пространство памяти невидимые города.

Речной нарратив пронизывает тело путешествия.

Река визуального омывает мысль в её течении-шаро-вращении.

Бодрая музыка утром в каюте по судовому радио. Потусторонние воспоминания о классическом советском детстве.

Село Погост на речке Гусь с барочно-античным антуражем его церковей. Ты растекаешься здесь половодьем расслабленного тела, устраиваясь удобно «на спине» самого ландшафта.

Город Гусь-Железный злободневен и славен баташовскими железодельными злодеяниями. Миф локального злодейства оказывается гнездом очень памятливых цепких пространств.

На обратном пути из Гуся-Железного покупка в Касимове на центральной (Соборной, Советской) улице местного шоколада. Обычная кулинария, обыденный день, налёт жадных до местных шоколадных достопримечательностей туристов. Оставляют здесь довольно большие деньги, которые на родине туриста имели бы совсем другой, более прозаический и в общем бесполезный смысл.

Ткач течения мечется, лечится фарватером речного тела.

Наплавные мосты, паромы гостят обломками случайной сухопутной невнятицы, с трудом удерживающейся на поверхности скрытых глубоководных итогов.

Подошёл на носу корабля бывший морячок Севморфло-та, пожилой уже, служил в ансамбле, давал концерты. Прыгал в Гольфстрим, купался. Весной спасть на Севере не хочется, всё время светло; осенью – темень, тянет в сон, поднимают пинками. Крепкая косточка, седой, в ловко прилегающей лёгкой рубашке. Ну что, говорит, – Нижнего еще не видать? Разговорчив, но быстро ушел – видно, на обед было пора.

Ты не обойдёшься метафорой воды-в-пути: гораздо проще про-быть себя письменностью реки.

Безлюдные речные берега обнажают, демонстрируют внутренние полости бессознательного, которые могут быть подвижными лопастями мощного корабельно-телесного винта.

Образуемые кораблём в узких местах Оки волны обгоняют его у самых берегов, несутся неожиданным авангардом «впереди паровоза», подтверждая пространственную реакционность речных путешествий.

Телесность мысли течёт рекой речи.

На речном мысу сознания виднеется острожек речевых сторожей.

Несколько туристов, исправно после еды исполняющих путевой ритуал-моцион с помощью наматывания переходных кругов вокруг корабля на второй (широкой и комфортной) палубе. Они поддерживают свою телесную форму, прочерчивая и окон-туривая себя окскими телодвижениями.

Голос водного логоса лоснится, поплёскивает серой шёрсткой отдалённого рекой птичьего гомона.

Полотно течения лопочет-топочет, плотью речного путешествия. Плоты движущейся водной топики.

Рукава речной рубахи зашиваются дырами заросших стариц.

Взвешивали в каюте по предложению моего десятилетнего сына, путешественного спутника, наши головы – на весах наших рук. Посчитали, что Ванина голова – килограмм пять, а моя потянет и на все десять. Ваня задался вопросом: а как же шеи-то удерживают столь непростой груз? Я по существу дела ничего ответить не смог. Видимо, пространство окского путешествия способствует появлению довольно путёвых вопросов и проблем.

Таинственные, задраенные на несколько разных ручек двери в корабельном коридоре, куда «Вход посторонним запрещён». Туда никто, сколь видим, не заходит, но никто и не выходит. Для

Вани с его непримиримой любознательностью постоянно спокойно ходить мимо таких тайных объектов сложно.

На дне бессознательного течёт река подлинного тела.

Суббота на Оке: берега густо населены отдыхающим стаффажем: машины, палатки, удочки, сети, гиканье, иногда матерок на катерке.

Подлинная длина реки определяется её метагеографическим измерением.

Речное хозяйство зиждется на образе текучего небесного дома.

Судно движется галсами, туда-сюда, от берега к берегу, от одного бакена – к другому. Ломаная линия пути постигается плавным шествием текущих окских окоёмов.

Рисуя реку, реку не всуе, рискуя.

Серебряные трубы Муромского полка. Что-то в этом есть, глубоко благородно забытое, но постоянно всплывающее на поверхность окской памяти.

Последний день путешествия. Прошли вновь Держинск и Шуховскую башню на мысу, идём к Нижнему. Погода испортилась, низкое небо сорит моросью. Но птицы на берегу поют.

Песчаные, заросшие мелким кустарником косы. Упорные птичьи голоса. Неясная взвесь сознания.

Опущенная в воду с кормы на верёвке судовая швабра, мерно подпрыгивающая и болтающаяся в кильватере корабля. Кажется, что это неизвестный большой науке самопальный прибор для фиксации внутренней энергии Оки.

Душа реки есть тело её сокровенной энергии.

Из пассажирского салона вдруг вывалился на палубу жизнерадостный аккордеонист, наигрывая «Варяга», и попытался вяло распеть нескольких продрогших женщин.

Мосты через Оку по мере приближения к Нижнему множатся. Они создают перпендикулярную графику речной аква-архитектуры.

Время от времени возрастающие по берегам в некотором отдалении большие мастодонтообразные многоэтажные дома-лайнры. Иностранная Оке постисторическая и постгеографическая «фауна».

Миф реки есть воплощённая река мифа.

Метагеография железной дороги

Железная дорога убаюкивает. Псевдодомашний уют. Возникновение неожиданных сообществ в купе. Налаживание первичного общения, присматривание друг к другу.

Девушка попала в купе в окружение трёх мужчин. Сначала боязно. Постепенно привыкает.

У Кирилла всё по-домашнему. Вкусная еда, много овощей и фруктов с собой.

В поезде первое дело – отоспаться, если едешь далеко.

Общение в поезде – прямой результат случайной совместности. Так или иначе, ты находишь пути непосредственного контакта. Твоя среда в купе: лицом к лицу, физиологические параметры становятся психологическими.

Симпатию или неприязнь лучше скрывать.

Симультантный ландшафт за окном.

Ты несёшься ритмично, «прямо», гарантировано вперёд. Обеспеченная ортогональность жизни в поезде.

Стоянка даёт возможность ощутить разницу миров – оседлого, статичного и кочевого, круговращающегося в своей ортогональности.

На перроне. Мороженое, пиво, чипсы. Вокзальное фланёрство пассажиров, одетых легко, по-домашнему, почти раздетых. 28 градусов по Цельсию.

Офени вдоль поезда. Огромные плюшевые медведи, пирожки домашние, варёная картошка. А на станции два часа назад были пластиковые стаканчики с черникой.

Мир линейного, работающего по расписанию, мелкого «му-равейного» железнодорожного бизнеса.

Как бы протянуть, вытянуть, расширить свою жизнь как можно большим пространством – не физическим, но метагеографическим.

Перевод «физики» путешествия во внутреннее пространство.

Мужчина-проводник в вагоне: всё ему удаётся хуже, чем женщине. Жестковат, нет ауры. Обычно, даже если женщина ленива или нерадива, вагонное хозяйство всё же как-то «идёт». В вагоне нужна традиционная коммуникация, а это – приоритет женщины.

Станция Балезино. Целая придорожная индустрия, поскольку станция узловая, меняют локомотив у состава. Весь перрон уставлен мощными типовыми передвижными тележками-витринами на колёсах с шинами. В них и сувениры (ложки, лапти, шляпы), и продукты, и мороженое.

Мимо проходит загорелый коренастый мужик с монголовидным лицом – в синей майке с надписью «СССР» и в красных трусах.

Питание в поезде утрачивает целенаправленный ритмичный характер. Вдруг начинаешь есть или пить чай, потом надолго забываешь о еде. Увлекаешься разговором, сильно устаёшь от долгого общения. Диванчик в купе превращается в ристалище повседневной жизни.

Сменяющиеся калейдоскопично ландшафты железнодорожных перронов. Завихрения людей во время стоянок поездов. Местные, пассажиры; меланхоличные полицейские, шествующие вдоль поезда.

Эфемерность, сильная трансфигуративность повторяющихся вокзальных ландшафтов.

Край водонапорных башен. Жадно пьющие лошади-локомотивы. Ностальгия по железной дороге прошлого.

Дети, бегущие вдоль купе. Косая игра бегущих лучей заходящего солнца, пронизывающего открытые настёжки купе.

Рыжая пластиковая бутылка кваса «Красная цена», пламенеющая на купейном столике в закатных просветах.

Каменск-Уральский. Лёгкий город с жесткими ребятами.

Берега реки Исети, природа внутри города. Компактный прогулочный кораблик.

Ты узнаёшь горы по рассечённой узости распластанных долин.

У палатки на берегу Зюраткуля. Ты опрокинут горой надвигающегося покоя.

Огромное голое пузо пассажира из соседнего купе. Иногда оно выглядывает из купе, а самого хозяина не видно.

Усталый донельзя, ты плюхаешься на верхнюю полку в полпервого ночи и проваливаешься в яму бессознательного. Она едет в поезде, вместе с тобой.

Горы схвачены близостью парящего взгляда. Обзор следующих друг за другом горных горизонтов рождает уверенность в надёжности полуспрятанных долинных ландшафтов. Пространство становится постоянно прибывающим, расширяющимся внутрь.

Горы вмещают в себя вращение пространства, ищущего широту внутреннего ландшафта.

Урочище «Чёрная скала» на Таганае, под Златоустом. Вид на гору Круглица. Мягкость переходных горных форм, как бы вырезанных из синеватой бумаги.

Театр горных действий. Горы движутся пространственным коллажем, нанизываясь друг на друга, наваливаясь на зрителей всей мощью ландшафтной декламации. Горный ландшафт воображается различием буквальная высоты взгляда, взора и ходовых сюжетов, поистине цирковых аттракционов безудержного падения с «телячьим восторгом».

Горный жест настораживает жестью приближающегося неба.

Пагубная самонадеянность монад.

земли моря и звёзды четвёртая геометрия жизни сжимаемая мелеющий страх кругозора сердце ждущее ездой неизвестной движется млея и емля далее юрты радея четьми коловращений взоров кружащих

Просторное время, затаившееся излучинами, заимками и балками сокровенных мест.

столбчатая отдельность добра индейцы ястребом гордые в горах бегущие в воздухе огоньков мерцающих гор в небесной крыше коньках забывшие зацепившие дождь жесты божеств и блеск облаков магеллановых угасает деревом пламени племени имени на раменах несслыханных детей

Случайным разговором текущая за окном купе дорога золотой осени.

Сон в пути оказывается путём расширяющегося, всепроникающего сна. Пространство раскладывается, раскрывается железнодорожным сном.

Купейная совместность становится, идёт мелкими частыми движениями встретившихся попутчиков, притирающихся, привыкающих друг к другу. Любое тело запоминает эти мелочи, присваивая их как общее достояние, наследие пространства.

Сидя в купе, усевшись в нём, как в собственном коконе, я нахожусь ещё во власти шлейфа допутевых состояний и аффектов.

Но они всё больше отстают, растворяются (бедные), исчезая в письме путевой ритмики.

Проводница пылесосит ковровую дорожку в коридоре вагона. Залазит в наше купе, елозит пылесосным хоботом по коврику под ногами. Пассажиры повисли приподнятыми ногами в воздухе – плывущим уходящим поездом.

Блик в чая стакане.

Не чаешь разговориться в келье купе.

Зеркало двери купейной.

Уходишь в пейзаж законный забывшись.

Вдруг заглянул полицейский в купе, улыбкой прикрывшись.

Недоверия едет страна.

На столике приоконном цветёт, растет куча еды и бутылок.

Замок готический воздуха.

Водонапорная башня стареет, молча уткнувшись в печаль.

Платформа пустынная мимо.
Дачки барачные сгрудились, к дороге цепляясь мечтами.
Небо – потерянный дар.
Стоянка долгая наконец.
Бестолочь движется, плещется, мается, выйдя из берегов.
Пещерной пустотой глазающие брошенные гаражи вдоль путей.
Вокзал стеклянный огромный –
хочешь прилепиться к стенке, Не можешь.
Продажа шоколадных конфет на перроне.
Промокший окурочок тускнеет в луже, отражающей тронувшийся скорый поезд.
«Я ещё помню время, когда люди шли с работы в телогрейках».
Взволнованный голос из соседнего купе.
Соседи обедают мирно.
Раскрыв дверку купе, сажусь в уголку.
Проводница проверяет билеты.
В темнеющих сумерках уходящие вдаль промзоны предместий.
Обшарпанный дом двухэтажный. Чуть дальше (сигналит), куполом золота облита, новая церковь Станция Кротовка.

Окормляющая суть степей, пронизываемых, прорезанных железной дорогой.

Сотрудник банка звонит Хотите ли активировать карту кредитную пишу эти строки в купе еле ручку найдя раздосадован цистерна ржавая на параллельных путях переполнен утраченным смыслом кто-то по скайпу тарабарит в дальнем купе чуть дребезжит стакан с ложечкой чайной хриплые вскрики ужаса вагонного биотуалета мягко плывущий состав вовлечёт в тишину по-кошачьи за кипятком к титану сходил путешествие по купейным мирам невзначай купы деревьев звучат путешествуешь сидя в постели слушая небо запрокинутое лицо потустороннего спящего в заходящее солнце падает поезд за-землю озимь зеленеющая еле глаз веселит долговязые тени дерев шупают поезд устюрт письмовязь железной дороги птицей застывшей карта внутренних гор чертится сызнова

Распадки горного разума темнеют тенями полузабытой дхармы.

Рвань горных небес, клочки внутренних ландшафтов аффекта.

елань елень луна мели голени неба горы

Поезд – самолёт, самокат, самохват горных образов.

Темень, окутывающая вечером движущийся поезд, становится пространством – метафорой постоянно расширяющегося, са-моподтверждающегося пути.

Минивара Абдулганеева, Нязепетровск. Книга «О родных и близких». Картины: «Пушкин ест арбуз», «Пушкин в уральском лесу». Маленькая, в большой шапке, с острым птичьим носиком, очень доверчивая и льнущая к любому ласковому слову. «Юродивая».

Вагонные споры. Военный из Владивостока, едет в отпуск в Подмосковье. Пюёт не просящая, сохраняя при этом свежий взгляд на действительность. Советский Союз – его настоящая родина, так он и сказал. Он и там.

За вечер и ночь в поезде попутчики часто менялись. Это происходит как-то естественно. Видишь человека несколько часов, как-то обмениваешься словами. Потом он исчезает из твоей жизни навсегда. Но остаётся маленькое место памяти, движущийся ландшафт прошлого.

На остановке. Томительное ожидание, что придут новые пассажиры, ибо в купе – два незанятых места. Предстоит ли новое вживание в уже другое купейное пространство, хотя и крохотное физически?

Испорченное электронное табло в вагонном коридоре. Время то 2.10, то 2.13; температура постоянно +68 С.

ты проникаешь в язык колёсных пар шпал перестука на рельсовых стыках и ветра становясь языком законного леса бегущего осени мимоидущей цветущей разлагаясь на место и место и место пространствуешь сквозь невозможную вязь себя дорогой железной телесным желе лёжа на полке верхней и верной обласкано лицо пространства движеньем соразмерным бытию таящаяся нежность круго(в)зоров вращается зеницы прикас/заньем ладонью неба взят ты в я другого

НАБРОСКИ К ТЕОРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

В сердце воздуха

Древесность как геопозитическая тема.

В сердце воздуха.

К метагеографии деревьев.

К метагеографии деревьев. Одинокое дерево в поле, на склоне. Роща, опушка. Ветки и крона. Мир коры. Пространство и древесность. Ритм веток. Пространство, ограничиваемое и формируемое кроной, ветками, листьями деревьев – поистине настоящий географический образ.

Метагеография деревьев: внешняя и внутренняя.

Наследие образов.

Семантика неба, небесных состояний. Цветовые ограничения, переливы, оттенки, возникающие благодаря наплыву, прохождению, уходу огромного тучевого тучного пласта, точного в своей моментальной ливневой наводке. Желтое небо на закате сквозь грузные тучевые тела, убегающие – а тем временем – снова закат – и «наваринский бой» всё более проникает по облачным кромкам, захватывая и центр тучевой камбалы.

География искусства: возможность исследования экзистенциальных ситуаций творца, художника в месте, где он находится/ находился, пребывал, творил. Бытие местом, бытие-в-месте: гео-графизация искусства означает, что художник, творец не только преобразует свое место – он *размещает* свое искусство и *размещается* им. Место художника как географический образ – это ментальное ядро географии искусства.

К сути геоморфологии: она пытается постичь невысказанную, несказанную, скрытую метафизику земли без прямого обращения к небу, без соотнесения с небом. Отсюда и образ рельефа в ней – недостаточный, ущербный, излишне «приземленный», недоработанный, лишь эмбриональный. Не лучше ли мыслить, воображать рельеф как ментальное произведение дали и близости, места и пространства, пустоты и древесности? На границах деревьев и воздуха, возможно, возникают пра-формы, пра-обра-зы рельефа, а облачные трансформации демонстрируют нам подлинную и бесконечную геоморфологию метапространства.

К географическому воображению неба. Рваная, изрезанная граница послезакатной голубизны, темных деревьев, крыш, проводов. Силуэты неясных вещей, понимаемых как чистое и незамутненное пространство, как последняя неоспоримая истина ландшафта. Фрактальная асимметрия самой мысли, цепляющейся за изгибы, склоны, рельеф небесно-земного ориентира.

К геопозитической теме моста. Мост как осязаемая буквально конструкция пространства, призванного воображаться как густота, сосредоточение, ядро воздушной связи, несдержанного полета. Тут классический архитектурный анализ много не дает. Жизнь на мосту, через мост как эпицентр ландшафтных смещений, сползаний, солифлюкций. Путь через мост, по мосту есть движение воздушной архитектуры, включающей путника как главный конструктивный элемент «мостового» ландшафта. Но и безлюдный, пустынный – мост представляет собой наглядный географический образ ландшафтной каллиграфии.

Ландшафт как экзистенциальная событийность земного пространства. Пространство дано ландшафтом как непосредственность места, творящего свою собственную онтологию, свой уникальный мифологический нарратив. Ландшафта нет, если нет образа со-бытия места и его судьбы, осознаваемой каждый раз, вновь и вновь человеком, мыслящим и воображающим пространство здесь-и-сейчас.

Дача как наигранная живость застывшего низкого солнца; освещенная дощатость веранды как фон единственной красной или розовой розы. Разнотравие крупно, глубоко,

выпукло; все увеличено природой в несколько раз. Взгляд в бочку с дождевой водой: мир есть отражение не только вялого, еле текущего перистыми облачками неба, но и мое тело, моя мысль, образуемые темной водяной тенью. Всякая трава, цветок, ветка, иголки, шишка, пень устанавливают свой местный закон; их правота заключается в незыблемости дачного, почти вечного мироустройства. Вообще, место здесь приобретает канонические черты пейзажа нарисованного, сфотографированного, отснятого оптически заранее, до всякой (вряд ли однако возможной) эволюции. Но не состояние отдыха – всегда непостоянного – тому причиной, а лишь согласность, согласованность намерений увидеть размещение самого пространства, захваченного как бы врасплох, и попытаться «вписать» себя в точку, место, ландшафт, не подозревающие о твоей подвижности, динамичности, перманентной «перелетности». И согласованность эта есть образ качающейся травинки, опрокинутого, упавшего почти навсегда пластикового кресла, остановившегося в своей потерянности и одинокости детского мячика, забытого и заброшенного в двух шагах от веранды.

...А чтобы кому-то не сказать: геополитика – исчадие ада, порождение злобного и примитивного взгляда на классическую географическую карту? Здесь есть над чем поразмыслить. Красота иных концепций поражает и привлекает, ибо – кроме империализма, захватнических войн и государственных экспансий – существуют и внутренние образы, внутренняя логика картографических изображений, наконец: воля к геополитическому воображению, позволяющему превзойти, нарушить, перейти пределы обычных политических рассуждений и оказаться в условном и одновременно реальном пространстве имманентных территориям и местам символов, знаков, указаний, сакрализующих и упорядочивающих дикость и необузданность иных политических дискурсов. Но не к эстетическому оправданию геополитики сводится этот пассаж; геополитика, может быть, не самая лучшая, однако, законная дочь метагеографии – благодаря геополитике любая географическая карта может восприниматься и воображаться как метагеографическое пространство, являющееся основанием невидимых поначалу ландшафтных рассечений и сочетаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.